

КОМИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

9

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

КОМИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ВЫПУСК ДЕВЯТЫЙ

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сыктывкар 1960

Для Плетанова
№ 294 п. и.

П. И. Носков,
доцент

Борьба группы „Освобождение труда“ против экономических воззрений народников

Критика группой „Освобождение труда“ народнических воззрений по вопросу о судьбах капитализма в России

Центральным вопросом общественной мысли второй половины XIX века был вопрос о судьбах и характере дальнейшего экономического развития России, т. е. должна или не должна Россия пройти через стадию капитализма. Вокруг этого вопроса разгорелись горячие споры, в зависимости от него решались важные программные положения.

Народники выражали интересы мелких производителей, идеализировали патриархальную систему хозяйства, считали ее вечной и неизменной. Они не понимали, что из мелкого производства с необходимостью развивается капиталистическое производство, и считали поэтому развитие капитализма в России случайным явлением. По их мнению, движущей силой общества являются не материальные условия производства, а сознание «критически мыслящих» личностей. Капитализм в России, по утверждению народников, является случайностью прежде всего потому, что он искусственно насаждается царским правительством на враждебной буржуазному строю почве. Развитие капиталистического способа производства, по их мнению, являлось результатом уклонения правительства от начал народной жизни. Народник Юзов писал, что русский народ, идущий своим самобытным путем, не может строить свою жизнь на основе чуждых ему теорий, заимствованных из западноевропейских стран. Поэтому глубоко ошибочны доктрины, которые трактуют о необходимости для России пройти ступень капиталистического развития. Юзов говорил, что человечество устроено не по одному шаблону, а поэтому пути развития отдельных стран и народов различны. В России немислимо развитие капитализма, поскольку общинные инстинкты у русского народа господствуют с древнейших времен. «У нас,

если мыслимо царство капитала, так только с помощью насилия: у него нет корней в основе жизни народа»¹.

Группа «Освобождение труда» вскрыла несостоятельность **народнических** взглядов. Глава группы «Освобождение труда» Плеханов отверг народническую постановку вопроса о капитализме в России и субъективистское ее решение. По мнению Плеханова, нелепо ставить вопрос о том, должен ли развиваться капитализм, поскольку капитализм в России уже развивался. Такая постановка вопроса Плехановым получила потом одобрение Ленина в его работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»

Народники отрицали объективную закономерность общественно-экономического развития, полемизировали по этому вопросу с основоположниками научного коммунизма. Михайловский упрекал Маркса в фатализме, в том, что он своей теорией о неизбежности капитализма для всех стран якобы поставил в затруднительное положение «русских людей», т. е. народников, прилагающих все усилия, чтобы «найти для своего отечества путь развития, отличный от того, которым шла и идет Западная Европа». Маркс и Энгельс дали достойную отповедь Михайловскому. Они разъясняли, что буржуазный способ производства в России — не случайное явление, а неизбежный результат экономического развития общественной жизни.

В соответствии с указаниями основоположников марксизма Плеханов говорил, что «русские ученики Маркса руководствуются не субъективным идеалом и не какой-нибудь «формулой прогресса», а обращаются к экономической действительности страны, рассматривают ее с позиций научного социализма, что русские марксисты и народники изучают общественно-экономическую жизнь с противоположных точек зрения: первые — с материалистической, научной, вторые — с идеалистической, утопической.

Фактами из жизни России второй половины XIX века Плеханов доказал, что она окончательно вступила на капиталистический путь развития и пошла по этому пути не случайно, а закономерно, в результате роста производительных сил.

Народники и группа «Освобождение труда» по-разному оценивали роль капиталистического способа производства в России. Капитализм, по мнению народников, является шагом назад в развитии общественной жизни России потому, что он разрушал «народный уклад жизни», разорял самостоятельного производителя и отрывал его от орудий труда, сосредотачивал богатство в руках капиталистов-мироедов, вел народ к нищете и голоду. Противоядие против этих бедствий капитализма усматривалось ими в патриархальной жизни русской деревни. Идеализируя патриархальные и мелкотоварные условия хозяй-

ства, они не замечали и не хотели видеть наличия в них пережитков крепостничества и неизбежных зачатков капитализма. Один из главных идеологов народничества Воронцов рассуждал, что общественно-экономическая жизнь в западных странах построена на установившемся капиталистическом способе производства, который играет там прогрессивную роль, так как он превратил прежние формы хозяйства в однородные ему, но более развитые. Совершенно другое происходит в России, где началась схватка взаимно противоположных начал, «народного производства» и капиталистической формы производства, где капиталистическая система, искусственно насаждаемая правительством над самостоятельным «народным производством», разрушает производительные силы и разоряет народ. «Новый экономический принцип способен лишь погубить, разрушить наше производство, но не организовать его в общественную форму, не вывезти его на торную дорогу прогресса. Поэтому все попытки насадить капитализм в России должны окончиться разложением нашей общественно-экономической жизни, а не превращением прежней ее формы в более развитую, как это было на Западе»¹.

С позиций своей мелкобуржуазной доктрины Воронцов не мог понять, что капитализм не только на Западе, но и в России был прогрессивным явлением по сравнению с предшествующими формациями. Наряду с бедствиями, которые причинял капитализм трудящимся, он быстрыми темпами развивал производительные силы и тем самым создавал не только материальные предпосылки для социализма в виде крупного общественного производства, но и условия для роста революционного класса пролетариата, «могильщика» буржуазного строя. Воронцов сознательно затушевывал то, что среди «народного производства» в то время в значительной мере уже существовали все противоречия, присущие капиталистическому способу производства. Он считал идеальным натуральный способ производства, где производители сами удовлетворяли все свои потребности. Превращение же натурального производства в товарно-капиталистическое изображалось им как шаг назад, ведущий к упадку общественно-экономического развития пореформенной России.

Во всех рассуждениях теоретиков народничества **патриархальные** условия жизни явно приукрашивались. Ими сознательно затушевывалось, что такая форма общественно-экономической жизни обладала допотопной техникой, где крестьяне подвергались беспощадной эксплуатации со стороны помещиков и нарождающейся буржуазии.

По мнению народников, буржуазный способ производства не только не развивает производительные силы, но наоборот, раз-

¹ Юзов. «Основы народничества», 1888 г., ч. I, стр. 366—367.

¹ В. В. Воронцов. «Судьбы капитализма в России», стр. 308.

рушает их. Так например, он отрывает «крестьян от зимних заработников» и по всей стране создает «промадные армии безработных». Показывая, что капитализм ведет к упадку как народное производство, так и народное потребление, Даниэльсон писал: «Отделение обрабатывающей промышленности от земледелия, средств производства от работников, капитализация промыслов, освобождение общественного рабочего времени — вот первичный двигатель понижения народного благосостояния»¹.

Идеологи народничества не замечали, что на разрушающихся старых патриархальных формах производства нарождается новый, относительно более прогрессивный капиталистический способ производства. Народники, особенно либеральные, пытались всеми средствами опорочить взгляды марксистов, лживо утверждая, что марксисты якобы хотят разорить народ и «выварить каждого мужика в фабричном котле».

Неправильное решение народниками вопроса о роли капитализма объясняется тем, что они рассматривали буржуазный способ производства с мелкобуржуазной точки зрения, руководствуясь субъективным методом, игнорируя историческую действительность. Плеханов писал, что они «ставят перед нашей интеллигенцией задачу борьбы с капиталом. Капитализм считают они очень вредным для народа способом производства; с ним надо, по их мнению, разделаться. В эту сторону должны быть направлены, по их мнению, все усилия друзей народа»².

Но такая борьба с капитализмом есть вредная мечта идеологов мелкой буржуазии, поскольку «время чудес прошло и нет ни одной партии, которая могла бы крикнуть: «Стойте, производительные силы, не шевелись капитализм!»»³.

Плеханов при оценке капитализма исходил из указаний Маркса и Энгельса. Он правильно отмечает, что капитализм развивался неодинаково в Англии, Германии, поскольку там были разные исторические условия. Ссылки народников на некоторое своеобразие исторических условий России не затрагивают общих предпосылок, главных условий и необходимых принципов для развития капитализма в стране. Плеханов видел, что капитализм означает прогресс в развитии производительных сил по сравнению с существовавшим в России общественно-экономическим строем. Он указывал на вызванный капитализмом рост общественного разделения труда в стране, находивший свое выражение в увеличении фабрик и заводов, промышленного населения, в отделении промыслов от земледелия, в развитии торговли, денежного обращения и кредита.

¹ Даниэльсон. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», стр. 316.

² Сборник № 3, группа «Освобождение труда», стр. 14.

³ Плеханов. Соч., т. II, стр. 37.

Конкретными фактами Плеханов доказывал, что промышленный капитализм в России быстро развивался. Так, ссылаясь на октябрьский номер журнала «Новое слово» за 1895 год, он писал, что каменноугольная промышленность, особенно в Донском бассейне, за последние десять лет (1886—1895 годы) выросла вдвое и что с развитием капитализма добыча угля на юге превысила все остальные каменноугольные районы. А «за последние 25 лет эта отрасль в России возросла почти в 10 раз, в то время как в Соединенных Штатах всего в 3½ раза, в Австрии в 3 раза и в Англии в 1½ раза»¹.

Прилив иностранного капитала в Россию, вывоз в восточные и западные страны русского рафинада и других товаров также «есть верный признак того, что капитализм встречает в ней удобное поле для своего дальнейшего развития»².

Углубление зависимости кустарей от крупного капитала, отрыв их от сельского хозяйства, потеря кустарями экономической самостоятельности и переход их в ряды пролетариев представляют социальную базу для развития промышленного капитализма.

О росте капитализма в России свидетельствуют успехи кредитных операций. Так, с 1864 до 1877 гг., т. е. за 13 лет, капитал банков вырос с 277,7 млн. руб. до 885,3 млн. руб., или на 320 %. А рост учетных операций в торговле еще больше: с 23,7 млн. руб. до 500 млн. руб., т. е. на две с лишним тысячи процентов³.

Усиленный рост и политическое развитие рабочего класса больше всего пугали народников. Засулич писала, что «Наши... самобытные враги буржуазии боятся не иного чего, как именно ее разрушительного влияния на господствующий в настоящую минуту экономический и правящий строй русской деревни, который кажется им достойным охранения. Они борются (словесно, конечно) с развитием буржуазии только потому, что с ним неразрывно связано развитие пролетариата»⁴.

Плеханов опроверг выдуманный Воронцовым «закон» уменьшения числа промышленных рабочих в России. Как выяснилось, Воронцов в обосновании этого закона опирался на сомнительные статистические данные, в которые не вошло большое количество рабочих промышленных предприятий со стоимостью продукции ниже 100 тысяч рублей. К тому же цифра 800 тыс. рабочих, на которую ссылается Воронцов, относилась лишь к обрабатывающей промышленности европейской части России. Плеханов на примерах роста новых ткацких и прядильных фабрик Московской, Владимирской, Тверской и Нижегородской гу-

¹ Плеханов. Соч., т. IX, стр. 106—107.

² Там же, т. II, стр. 229.

³ Там же.

⁴ В. Засулич. Соч., т. II, стр. 101.

берний показал рост численности рабочих в пореформенный период, особо подчеркнул, что рост рабочих происходит не столько в породах, сколько в промышленных посадах. Так например, «в Шуйском бумаго-ткацком округе еще в конце шестидесятых и начале семидесятых годов, с открытием новых механических ткацких заведений, сельское население очень быстро начало стягиваться на общие фабрики и переходить в чистофабричный класс рабочих»¹.

Призывы народников «задержаться» на уровне кустарной промышленности и первобытном способе обработки земли являются, по мнению Плеханова, утопией и давно пройденным этапом исторического развития. «Россия не имеет нужды, ни возможности возвращаться назад по пути, однажды уже пройденному; точно так же и задержать ее на этом пути не может никакая человеческая сила. Русским передовым деятелям остается поэтому одно из двух: или оплакивать существующий факт, бесплодно сожалея о том, что историческое развитие совершается вопреки их симпатиям, — или принять этот факт за исходную точку своих действий и постараться употребить на пользу рабочего класса все новые силы, создаваемые самим процессом исторического развития»².

Народники мечтали преобразовать общественную жизнь пореформенной России путем «задерживания» капитализма и развития отживших «народных» форм хозяйства. Русские марксисты перестройку общества возлагали на рабочий класс и социал-демократическую партию.

Народники полагали, что капиталистический способ производства в пореформенной России не может развиваться без наличия готовых рынков, как внутренних, так и внешних. По их мнению, неизбежный крах буржуазного способа производства обуславливается тем, что капитализм разрушает «народное производство», разоряет население, сокращает внутренний рынок, а внешнего рынка Россия не имеет и приобрести не может, так как все эти рынки давно уже захвачены другими крупными капиталистическими странами Европы. Народники считали, что в капиталистическом обществе прибавочная стоимость может быть реализована только при помощи продажи прибавочного продукта так называемым «третьим лицам» и этим «третьим лицом» может быть только внешний рынок. Развивающийся же в России капитализм втягивает в торговлю непосредственных производителей, разоряет их и сокращает тем самым имеющийся внутренний рынок, а внешние рынки отсутствуют. Следовательно, капитализм будто бы не имеет почвы для развития.

Эти взгляды на отсутствие рынков, необходимых для развития русского капитализма, наиболее четко выразил Даниэльсон. Он считал, что капитализм не имеет будущности в России ввиду отсутствия рынков. Он заявил, что капитализм стремится обратить производство всех продуктов в товар, тогда как «народное производство» остается натуральным и отсюда «эти два взаимно уничтожающие направления и составляют источник всех тех противоречий, с которыми нам приходится встречаться»¹.

При росте населения, при сокращении рабочих дней в году, при увеличении налогов и усилении эксплуатации, говорили народники, крестьянин вынужден расширять пашню за счет выгонов и лугов, что ведет к использованию истощенной почвы, к неурожаям и к народным бедствиям. Кроме того, чем дальше развивается капитализм, тем, по мнению Даниэльсона, меньше ему требуется рабочих для изготовления необходимого количества товаров, тем больше освобождает он рабочей силы. Эти рабочие оказываются излишними для капиталистического способа производства и превращаются в нищих. Даниэльсон из всего этого делает следующий вывод: «наш внутренний рынок, на котором исключительно основывается наше капиталистическое производство, находится в полнейшей зависимости от платежной способности большинства населения. А эта способность уменьшается вследствие уменьшения возможности приложения труда по мере развития капитализма, по мере отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, по мере освобождения рабочих сил, которые вследствие эксплуатации их от орудий труда не находят себе приложения, по мере истощения земли, по мере ухудшения условий земледельческого труда»².

Это суждение показывает, что Даниэльсон не видел закономерного процесса превращения натурального и мелкотоварного производства в капиталистическое. Он совершенно не представлял себе того, что внутренний рынок не суживается, а расширяется в связи с ростом общественного разделения труда, создаваемого развитием капитализма. В росте внутреннего рынка при буржуазной системе хозяйства главную роль играет развитие во всей экономике страны общественного разделения труда. Народники же доказывали, что в России нет общественного разделения труда.

Плеханов выступил с критикой народнических взглядов. Он писал, что рынки «не растут и никогда не росли на деревьях». Буржуазия создала рынки, а не застала их готовыми. В предшествующий ей феодально-ремесленный период не было не

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 217.

² Там же, стр. 389.

¹ Даниэльсон. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», стр. 71.

² Там же, стр. 324.

только «промадных рынков», но и вообще не существовало рынков в новейшем смысле этого слова...»¹.

Рынки возникли и расширились в процессе смены натурального хозяйства товарным, капиталистическим, при котором происходит дифференциация непосредственных производителей на буржуазию и пролетариат, а также создается все в больших размерах общественное разделение труда между различными отраслями промышленности и сельского хозяйства.

Возражая народникам по вопросу о сокращении внутреннего рынка, Плеханов писал, что «переход всякой страны от натурального хозяйства к денежному необходимо сопровождается огромным расширением ее внутреннего рынка, и, без всякого сомнения, этот рынок всецело достанется у нас нашей буржуазии. Но это еще не все. Предусмотрительный капиталист предвидит уже его переполнение и спешит приобрести рынки внешние»².

Следовательно, с развитием капиталистического способа производства в пореформенной России внутренний рынок не суживался, как утверждали народники, а расширялся в зависимости от усиления общественного разделения труда. Капитализм, развиваясь, расширял сферу деятельности. Правда, расширение производства и накопление капитала встречает много препятствий, «но существование этих препятствий еще не доказывает, что в капиталистических странах сбыт продуктов может увеличиваться только за счет иностранных рынков. Увеличение емкости внутреннего рынка в таких странах представляет собою бесспорный исторический факт»³.

Плеханов, критикуя народников по вопросу о внешних рынках, правильно указывал, что «наши старомодные» враги капитализма воображают, что раз на всемирном рынке утвердились «более передовые страны», то странам «отсталым» там решительно нечего делать. Это представление не соответствует действительности. На самом деле «отсталые страны» силой вещей **вынуждаются** догонять «передовые» и часто соперничают с ними **очень успешно**. Было время, когда немцам странно было бы и думать о соперничестве с Англией, а теперь горький опыт показывает англичанам, какие быстрые успехи делает немецкая промышленность»⁴.

В доказательство того, что русский капитализм имел успехи и на внешнем рынке, Плеханов приводит высказывания англичан: «13-го сентября 1889 года Джордж Н. Кэрзон прочитал перед собранием Британской Ассоциации в Ньюкэстле доклад, посвященный вопросу о торговом соперничестве России и Англии на среднеазиатских рынках. Общий вывод Кэрзона тот,

что «русские торговцы все более и более укрепляются в Средней Азии, вследствие чего деньги перестают приливать в бомбейские и манчестерские карманы, направляясь в карманы нижегородских и московских купцов».

Плеханов приходит к выводу, что ссылка народников на то, что отсутствует внешний рынок и поэтому нет почвы для развития капитализма в России, отпадает.

Плеханов, как руководитель группы «Освобождение труда», первый нанес удар по взглядам народников о судьбах капитализма в России, но окончательно разгромить их не мог. Это объясняется тем, что критика Плехановым народнических взглядов страдала существенными недостатками. Он ограничивался, главным образом, изложением общих положений марксистской теории, констатировал факт развития капитализма, иллюстрировал это отдельными примерами, преимущественно теми, которые имелись уже и в самой народнической литературе. Плехановская критика была скорее философско-логической, чем историко-экономической. Только Ленин завершил идейный разгром народничества, подверг всестороннему и глубокому изучению особенности процесса развития капитализма в России.

Критика группой „Освобождение труда“ народнических воззрений о некапиталистическом пути развития России

Народники утверждали, что Россия идет «самобытным путем» к социализму, минуя капитализм. По их мнению, фундаментом традиционной жизни русского народа является крестьянская община, возникшая и продолжавшая существовать на основе «народных идеалов» до настоящего времени, вопреки «враждебным действиям государства»; русский крестьянин природой социалист, коллективист по традиции, «по духу».

Народники считали крестьянскую общину основной ячейкой социалистического строя. Эту мысль наиболее четко выразил Лавров в своей программной статье «Вперед» в 1873 году. Он писал: «Для русского социальная почва, на которой может развиваться будущность большинства русского населения в том смысле, который указан общими задачами нашего времени, есть крестьянство с общинным землевладением. Развить нашу общину в смысле общинной обработки земли и общинного пользования ее продуктами, сделать из мирской сходки основной политической элемент русского общественного строя, поглотить в общинной собственности частную, дать крестьянину то образование и то понимание его общинных потребностей... — вот специально русские цели, которым должен содействовать всякий русский, желающий прогресса своему отечеству»¹.

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 188.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, т. IX, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 114.

¹ Лавров. Соч., т. II, стр. 30.

Лавров берет сельскую общину — организацию средневекового происхождения, быстро разлагающуюся в условиях капитализма, как идеал будущего социалистического строя, как базу для перехода к социализму.

Переходу к социализму, говорили народники, мешает государство совместно с кулаками и мироедами, поскольку они пытаются насадить индивидуалистические идеи среди народа и создать капиталистический строй. Задача «героев», «критически мыслящих личностей» из среды социалистической интеллигенции состояла, по мнению народников, в том, чтобы, руководствуясь нравственным идеалом, выработанным на основе «современной» науки, воспрепятствовать намерениям государства и повести беспомощную «толпу», народ к социалистическому строю. Отсюда вытекает, что не материальные условия производства, но классовая борьба двигали общественное развитие, а сознание «героев», «критически мыслящих личностей».

Заслуга членов группы «Освобождение труда» состоит в том, что они нанесли сильный удар по идеалистическим взглядам народников на общественное развитие России и применили принципы научного социализма к изучению процесса развития страны. Плеханов доказал, что развитие общества определяется в конечном счете не пожеланиями и идеями выдающихся личностей, а развитием материальных условий существования общества, изменениями способа производства материальных благ, необходимыми для существования общества, изменениями взаимоотношений классов за роль и место в области производства и распределения материальных благ. Не идеи определяют общественно-экономическое положение людей, а общественно-экономическое положение людей определяет их идеи. Плеханов писал, что «историю делают люди, но делают ее так, а не иначе не потому, что они сознательно хотят сделать ее именно так и именно не иначе, а потому, что их действия определяются независимыми от их воли условиями... Главное место нужно отвести тем отношениям производства, которые возникают на почве данных производительных сил»¹.

Рассматривая общественную жизнь, как застывшую, народники, как правило, приходили к реакционным выводам, к идеализации отсталых форм жизни русского народа (общины, артели, круговой поруки, прикрепления крестьян к миру и т. д.).

Пытаясь увековечить идущие к гибели патриархальные мелкобуржуазные условия жизни, превращая их в основу будущего строя, народники тем самым обнаружили, что они боятся прогрессивного движения. «Народник, — писал Плеханов, — пу-

гается прогрессивного движения общественных отношений и апеллирует к экономическому застою, к сохранению старины, патриархальных форм производства»¹.

Идеализируя отжившую свой век сельскую общину, народники считали, что экономическая и политическая отсталость тогдашней России является лучшим залогом скорой победы социалистического строя. Несостоятельность этих утверждений заключается в том, что они брали «устой народной жизни» абстрактно, оторванно от конкретно-исторической действительности, стараясь «очистить» от развивающихся буржуазных отношений.

Отвергая народническое суждение о том, что через общину можно достичь высшего, коммунистического строя, Плеханов писал: «По внутреннему характеру своей организации сельская община прежде всего стремится уступить место буржуазной, а не коммунистической форме общежития... она не в состоянии двинуть Россию на путь коммунизма... инициативу коммунистического движения может взять на себя лишь рабочий класс промышленных центров»².

Защищая общину, народники противопоставляли мелкую частную собственность крестьянина, основанную на личном труде, капиталистической собственности, основанной на эксплуатации человека человеком. Плеханов указывал на то обстоятельство, что такая крестьянская община представляет собой пережиток далекого прошлого, одну из ступеней первобытно-родового строя. Он считал, что коллективная собственность на землю возникла тогда, когда состояние производительных сил еще не допускало других форм собственности. Но с развитием производительных сил улучшается земледелие, увеличивается и совершенствуется движимое имущество (инвентарь, тягловая сила, семена и т. д.); это имущество становится предметом индивидуальной собственности, роль которой все более и более возрастает. Плеханов подчеркивает, что возникновение индивидуализма в первобытно-родовой общине является не отрицательным, а положительным моментом в истории развития человечества.

Плеханов показал, что частный индивидуальный труд крестьянина, вопреки коллективной форме землевладения, ведет к прогрессирующему росту индивидуализма и имущественному неравенству, поскольку, затрачивая различное количество труда, обрабатывая землю разными сельскохозяйственными орудиями, на одинаковых участках общинной земли, крестьяне неизбежно получали разные доходы. Таким образом, развитие производительных сил приводило к развитию товарно-денежных отношений, которое мало-помалу подкапывает общинное

¹ Плеханов. Соч., т. V, стр. 289.

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 398.

² Там же, стр. 331—332.

земледелие. Но само товарное производство отнюдь не является внешним по отношению к общине, не проникает извне, а возникает в связи с эволюцией общины. Известно, что товарному производству предшествовало натуральное хозяйство и первобытный коллективизм. Главнейшей причиной возникновения противоречий в первобытных общинах была свойственная им ограниченность, не допускающая приложения коммунистического принципа к межобщинным отношениям. Эти отношения привели к развитию обмена, продукты труда стали товарами.

Плеханов считал, что русская община при общинном владении землей с переделами земли, при индивидуальном труде создавала неравенство, которое способствовало созданию товарного хозяйства. «Та ступень разложения первобытного коллективизма, которая носит название сельской общины, характеризуется, как мы знаем, тем противоречием, что на общественной земле хлебопашество ведется в ней отдельными домохозяевами»¹.

Жизнеспособность общины народники видели в том, что землевладельцы и крупные земельные спекулянты ограничивали свою роль в производстве присвоением ренты, а фактическим агентом сельскохозяйственного производства продолжал оставаться крестьянин, снимающий у них землю в аренду. В этом они видели доказательство устойчивости мелкокрестьянского производства в борьбе с крупным. Они приходили к выводу, что крупное земледельческое хозяйство не только не вытесняет мелкое, но наоборот, все больше и больше уступает ему дорогу.

По мнению народников, в пореформенной России господствовало мелкое сельское хозяйство с его агротехнической отсталостью. Плеханов правильно возражал народникам, заявляя, что «земледелие почти повсюду является наиболее отсталой отраслью национального производства, отраслью, которой капитализм начинал овладевать лишь после того, как он прочной ногой утвердился в промышленности»². Но эта отсталость вовсе не исключает капиталистического развития.

Плеханов на фактах доказывает капиталистическую эволюцию русской деревни. Он показывает пролетаризацию общинников и концентрацию земли в руках кулаков, причем отмечает важное обстоятельство, что община весьма часто облегчала эксплуатацию деревенской бедноты всякого рода «мироедами». Используя данные конской переписи 1882 года, Плеханов показывает рост имущественного неравенства в общине: из девяти миллионов крестьянских хозяйств 2,4 миллиона, или одна четвертая часть общего числа, составляют безлошадные. Так например, в Спасском уезде Тамбовской губернии хозяйств безлошадных было 21 %, однолошадных — 41 %, с двумя и тремя

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 304.

² Там же, стр. 233.

лошадьми — 33 %. В трех волостях Московской губернии в 1877 году 22,7 % всех земель было запущено. В Кленовской волости с 1869 по 1877 год число крестьян, забросивших землю, возросло с 19,3 до 54 %. Подводя итоги этим цифрам, Плеханов писал: «Это значит, что из четырех дворов крестьянских в одном нет лошади. Но крестьянин, не имеющий лошади, уже не может быть самостоятельным земледельцем-хозяином. Это значит, что четвертую часть сельского населения России надобно исключить из числа землевладельцев, ведущих самостоятельное хозяйство»¹.

Кулаки и ростовщики разоряли бедноту, община раскалывалась на два враждебных лагеря и стала бичом для «пустырников» и настоящим ярмом для «воздушного народа». Аксельрод писал о разложении общин: «Теперь этот «народ» сам распался на слои с противоположными интересами. В деревне мы прежде всего находим настоящую сельскую буржуазию, состоящую из ростовщиков, купцов, кабатчиков и вообще из людей, занимающихся различными промыслами; затем следует слой «хозяйственных», «умственных», т. е. зажиточных крестьян; а за этими элементами сельского населения, как его самый низший слой, выступает многочисленный класс полу- и совсем пролетарский элемент»². Поэтому не случайно члены группы «Освобождение труда» считали, что за ликвидацию общины стояли как кулаки, стремившиеся к расширению своей деятельности, так и «пустырники», страдающие от пережитков поземельной зависимости.

Одновременно с началом дифференциации деревни, как указывает Плеханов, происходит и изменение характера земельных переделов в общине. Так например, в Рязанской губернии в ряде сельских общин прекратили переделы уваживаемых земель; в Новгородской губернии появилась категория так называемых нераздельных земель. «Все пахотные поля разделяются на два вида: 1) **степенные поля** и 2) **пашни**». Первые переходят от одного домохозяина к другому только во время коренных переделов, происходящих только при ревизии; поля второго рода, пашни, «каждый год под осень делятся между домохозяевами»³.

Повсеместное удлинение сроков переделов, явившееся результатом неравенства между общинниками, вело к усилению этого неравенства, к окончательному подрыву сельской общины.

Вера Засулич, критикуя народников, писала, что «...писатели-народники сами сделали все, чтобы показать, что с теми особенностями этой жизни, на которых основывается, которые

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 241.

² Аксельрод — «Рабочий класс и революционное движение в России», стр. 66.

³ Плеханов. Соч., т. II, стр. 252.

идеализирует их теория, связано не народное благо, а лишь избыток народного страдания. Теория говорит о прелестях общинного землевладения, о свойственном земледельцу-общиннику духе братства и справедливости, а народники (писатели — П. Н.), хотя и рассказывают о переделах, при которых земля измеряется лаптями и «носик упирается в пятку», но рядом с этим изображают страшную борьбу за существование, ведущуюся внутри общины при условиях, допускающих массу жестокостей и несправедливостей, которые были бы невозможны без прикрепления крестьян к земле, отдающего побежденных под власть и под розги победителей, которые распоряжаются по праву сильного всеми делами общины»¹.

Разорившиеся крестьяне, не имеющие ни семян, ни сельскохозяйственного инвентаря, ни тягла, вынуждены за бесценок работать на кулака или уходить на заработки. Такие крестьяне прежде всего стремятся освободиться от общинной земли. Плеханов приводит иллюстрацию из произведений писателя Каронина, который описывает уход из деревни крестьян. «Парашкинцы растерялись. В их деревне все чаще и чаще начинают происходить странные вещи. Неожиданно-негаданно то один, то другой общинник является на сходку, решительно заявляет, что не хочет больше заниматься земледелием и просит снять с него «души»². Другой писатель, Н. Златовратский, красочно обрисовал в своей книге «Деревенские будни» положение «воздушных» и «умственных» мужичков. Разорившихся крестьян прозвали «воздушными» потому, что «летает как птица! Все сидит, все крепится, перемогается как ни-то на десятине-то своей, а потом — фю! и улетел... Попросит соседа, чтобы у него паспорта не задержали, взять его надел в аренду, Христом богом еще просит, водкой напоит и денег обязуется присылать в приплату — только сделай милость, возьми! Ну, и берет...»³

Общинное землевладение в то же время являлось серьезным препятствием в улучшении культуры земледелия. Введение многопольной системы, травосеяния, применение удобрений упиралось в принудительный севооборот общины.

Крестьянин, как правило, удобряет поля, производит соответствующие затраты, когда он убежден, что эти поля не должны перейти при предстоящем переделе земли. Вот почему все улучшения в земледелии, как правило, начинались с усадебных и купчих земель. В действительности в общине многие общинники не имели решительно никаких средств даже для того, чтобы обрабатывать поля при существующей системе землепользования, не говоря уже об улучшении. Но другая, зажиточ-

ная и кулацкая часть, которая стремилась улучшить земледелие, всеми силами закрепляла землю, чтобы произвести капиталовложения. Введение усовершенствованных способов земледелия являлось новым фактором разложения общины. Таким образом, общинное землевладение мешало развитию производительных сил в сельском хозяйстве.

Первые марксисты в России считали самым важным фактором разложения и упадка общины развитие товарного хозяйства, подрывающего экономические основы общины. Целые столетия, писал Плеханов, среди русского крестьянства жила идея «большой земли», но частная собственность и развитие товарно-денежных отношений изменили все, поскольку «отдельные члены общины могут приобрести деньги лишь в обмен за те или другие предметы их частной собственности, хотя бы собственностью этого рода и являлись продукты обработки общинной земли»¹.

Таким образом, община, которая могла быть жизнеспособной только в условиях натурального хозяйства, быстро разлагалась с появлением товарно-денежных отношений, возникших с развитием общественного разделения труда. На разложение общины влияли и другие факторы. Так например, казна, заинтересованная в росте денежных доходов, способствовала разложению общины через систему сбора налогов и выкупных платежей с крестьянства. Податные обложения и выкупные платежи, как писал Плеханов, заставляли крестьян обращаться к рынку, продавать продукты сельского хозяйства. Влияние города, которое еще больше втягивало деревню в товарно-денежную систему отношений, тоже разлагало общину.

Народники всячески превозносили кустарные промыслы. Эта, по их мнению, «народная форма производства» была враждебна капитализму. Кустарные промыслы, утверждали они, обслуживают нужды самих производителей, обеспечивают связь промышленных занятий с земледелием. Артельная форма кустарных промыслов служит такой же базой для перехода к социализму, как и сельская община.

Члены группы «Освобождение труда», изучая эволюцию кустарных промыслов, показали несостоятельность этих утверждений народников. Они прежде всего установили, что кустарь производит продукты не для собственного потребления, а на рынок. Следовательно, это не натуральное, а товарное производство. В пореформенной России кустари были опутаны капиталистическими отношениями и большинство из них к 80-м годам потеряло экономическую самостоятельность. Так, исследователь Пругавин, на которого ссылается Плеханов, утверждал, что в Московской губернии насчитывалось 50 тысяч ткачей-кустарей, а на выставке, устроенной для показа кустарных

¹ Сборник статей В. И. Засулич, т. II, стр. 73; статья «Наши современные литературные противоречия», 1892 г.

² Плеханов. Соч., т. X, стр. 71.

³ Н. Златовратский, ч. II, стр. 432—433.

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 264.

ткацких изделий, свои изделия представили только 12 кустарей. Это произошло потому, что большинство кустарей-ткачей работало не на себя, а на более крупных хозяев, кустарей-фабрикантов. Во Владимирской губернии, Александровском уезде, 22 селения занимались шерстяным производством. Стоимость ежегодного производства продукта кустарями выражалась в 155 тысячах рублей. Но, «обращаясь к экономике промысла, мы встречаем здесь прежде всего тот факт, что масса кустарей лишена самостоятельного кустарного производства и работает на мастеров или фабрикантов. Дело зашло в этом отношении так далеко, что в производстве краски, где самостоятельный кустарь получает в полтора раза больше, чем зависимый промышленник, число работающих на себя производителей равно лишь 9% общего числа кустарей»¹.

В Юрьевском уезде Владимирской губернии 98,95% всего производимого бумажного товара вырабатывалось путем домашней системы крупного производства. Такое положение с кустарями было не только в Московской и Владимирской губерниях, но и повсюду. Кустарь работал на фабриканта-кустаря или на скупщика, которые эксплуатировали мелких кустарей. На основе данных народнического статистика Пругавина Плеханов приводил многочисленные примеры распространения зависимости кустарей от капитала; он говорил о кустарных избах, об организации светелок и других формах капиталистического закабаления кустаря на дому.

В основу определения капиталистической промышленности и «народного производства», т. е. кустарной промышленности, народники брали не эксплуатацию человека человеком, а механизацию производства. Поэтому кустарные предприятия, хотя и имеющие 10—16 наемных рабочих, но не механизированные, не считались народниками, как капиталистические предприятия.

Плеханов на фактическом материале опроверг такие суждения народников. Так например, данные кустарного производства кирпича в Богородском уезде показывали, что там было мелкое капиталистическое производство; число наемных рабочих в 1890 году колебалось на кустарных кирпичных заводах от 2 до 12. Были заводы, где наемные рабочие исчислялись в количестве 50 человек. В этом же уезде в ткачестве некоторые «кустари» владели 16 станками; в сапожном деле — мастерскими до 16 чел.

Плеханов приводит высказывание Погожаева, что в мало-промышленном Можайском уезде Московской губернии кустарная промышленность имеет все признаки мелкокапиталистического производства. Там работают кустарные предприятия с рабочими от 3—4 до 24—30 человек. Это по сути дела капи-

талистические предприятия, обладающие значительным капиталом.

Произведенное в начале 80-х годов обследование Волоколамского и Богородского уездов установило, что имеются фабриканты, у которых нет самостоятельной фабрики, но зато на них работают 200—300 станков в отдельных крестьянских избах. Там организующим центром являлась фабричная контора. Кустарь, работающий дома, получал сырье, сдавал готовую продукцию, получал заработок, и все это проходило через контору скупщика. Такая система эксплуатации была выгодной, поскольку дешевый труд ткача обеспечивал при низкой домашней технике высокую прибыль.

Плеханов считал, что кустарная промышленность не только не предотвращала развития капитализма в России, а наоборот, именно здесь происходило массовое разорение, пролетаризация кустарей, а незначительное меньшинство их, «выбиваясь в люди», попадало в ряды класса буржуазии.

Утверждение народников, что кустарные промыслы считались с общинной формой землевладения, также не соответствовало действительности, поскольку кустарные промыслы, как правило, развивались в больших масштабах прежде всего там, где земледелие не приносило крестьянам достаточного дохода. Правда, Плеханов приводит факты, когда кустари, которые держатся за землю, одновременно имея кустарные мастерские с наемной рабочей силой, содержат больше скота, лучше удобряют землю, применяют те или иные агротехнические новшества. Но все это делается до той поры, пока доходы от эксплуатации наемных рабочих не превышали других источников доходов. С увеличением же доходов от кустарных предприятий мелкий кустарь-капиталист старается все свободные капиталы вложить на усовершенствование и укрепление своих предприятий. Кустарь-общинник, владелец мастерской стремится в фабриканты.

Такой крестьянин-промышленник, вопреки народническим утверждениям, стремится перенести законы, действующие на рынке, и на земледелие. Он не поддерживает общину, а хочет землю сделать такой же собственностью, как свою мастерскую и свой товар. Другое дело кустарь-наемный рабочий, работающих 9—10 месяцев в году у кустаря-фабриканта, связанный с землей и всякими налоговыми обложениями. Он всеми силами стремится отвязаться от земли с тем расчетом, чтобы только заняться своим делом. Плеханов писал, что довольно значительная часть кустарей уже забросила земледелие, а другая, и не менее значительная, близка к тому, чтобы его забросить. Он приводит пример, как в районе Кимры Тверской губернии все мужское население занимается сапожным делом и отрывается на сельскохозяйственные работы только во время сенокоса, если земли не сданы в аренду. В некоторых обществах

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 214—215.

бывших государственных крестьян Ростовского и Мышкинского уездов гончарный промысел есть почти единственный источник существования крестьян.

Плеханов считал, что наличие у кустарей земельных наделов только снижает их заработки до голодного уровня, но вовсе не предотвращает развития капиталистических отношений в кустарных промыслах. Он приводит высказывание исследователя кустарных промыслов Вернера, который писал: «Что касается до ткачей и вообще рабочих в светелках и кустарных избах, то положение их далеко незавидно. Труд их оплачивается дешевле, чем на крупных фабриках, и иначе быть не может: только дешевизна рабочих заставляет капиталиста дробить производство и разбрасывать его по всей площади уезда»¹.

Рассуждения народников о том, что кустарные артели представляют якобы такую же базу перехода к социализму, как крестьянская община, были опрокинуты самой жизнью. Плеханов иллюстрировал это положение соответствующими примерами. Так например, попытка Тверского губернского земства организовать артели в различных отраслях кустарной промышленности кончилась банкротством.

Первая артель, по распоряжению Губернской земской управы, была организована в пивоваренном промысле в 1870 году, а в 1875 году она распалась, так как не могла конкурировать с предприятиями крупной и средней промышленности, где благодаря применению машин производительность труда резко поднималась. Сапожная артель, организованная в 1870 году и получившая от земства 300 рублей ссуды, распалась «вследствие несогласия между ее членами». Кузнечная артель Губернская земская управа решила распустить до более «благоприятных обстоятельств». В 1883 году на произвол судьбы были оставлены смолокурные артели.

Таковую же участь разделили и артельные сыроварни в Ярославской губернии. Они закрывались одна за другой из-за убыточности. Плеханов делает вывод, что «при современных наших экономических условиях артель непременно должна превратиться в свою собственную противоположность»².

Правда, были артели, которые продолжали существовать, но только благодаря поддержке влиятельных учреждений и лиц. Так например, в Тульскую кустарную артель вошли начальник оружейного завода, вице-губернатор, представитель казенной палаты, представитель губернской земской управы, несколько горных инженеров, которые и поддерживали эту артель. Павловской артели помогали, как указывает Плеханов, г. Штанге и фабрикант Морозов. Перечисленные влиятельные лица все шире связывались с капиталистическими кругами и,

¹ Плеханов. Соч., т. IX, стр. 241.

² Там же, стр. 261.

конечно, не могли выступать против капитализма, вопреки тому, что об этом говорили народники.

Приведенные примеры показывают, что все планы артельной организации «народного производства» были построены на песке «субъективных добродетелей народничества», но песок, как писал Плеханов, «непрочная основа».

В действительности же более жизнеспособными в условиях капиталистических отношений были артели другого типа. Это товарищества на паях, где объединялись и действовали совместно крупные кустари-фабрикантики. Но это уже были далеко не артели, о которых проповедывали народники, а компании для более выгодного получения прибыли.

О критике Плехановым артельной организации кустарной промышленности положительно отзывался В. И. Ленин. Он указывал, что уже Плеханов в работах, направленных против Воронцова, «показал полную мизерность» **артельного начала** «в нашей кустарной промышленности»¹.

Разочаровавшись в артелях и отложив этот вопрос на более длинный срок, народники выдвинули новую «программу»: дешевый кредит кустарям, устройство ассоциации для покупки сырья и по сбыту продукции кустарных изделий, строительство образцовых мастерских и технических школ. Но исследователь кустарной промышленности Субботин на большом фактическом материале показал, что устройство складов, мастерских, технических усовершенствований и т. д. в конечном итоге помогает не нуждающимся кустарям, а эксплуатирующей группе владельцев мелких мастерских. «Так называемая помощь кустарям,— писал Плеханов,— есть на самом деле лишь помощь одному более зажиточному слою кустарей, т. е. в сущности помощь мелкому капиталисту»².

Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда», критикуя взгляды народников о якобы некапиталистическом пути развития кустарной промышленности, одновременно правильно подчеркивали, что кустарные промыслы не спасают общину от разложения, не являются базой социализма в своей социально-экономической организации, поскольку в кустарной промышленности прочно укоренилась одна из форм самой настоящей капиталистической эксплуатации.

Критика группой „Освобождение труда“ народнических воззрений по вопросу о роли рабочего класса

Народники придерживались ошибочных взглядов по главному, решающему вопросу общественного развития, по вопросу о роли классов и классовой борьбы в истории России. Народ-

¹ В. И. Ленин. «Развитие капитализма в России». Соч., т. III, стр. 311, изд. 4-е.

² Плеханов. Соч., т. IX, стр. 270.

ники отрицали, что классы возникли в результате экономического развития общества, в результате появления экономического неравенства среди людей. Они отрицали, что классовая борьба в антагонистическом обществе является движущей силой. Народники затушевывали существовавший классовый антагонизм внутри крестьянской общины, опраивая все свои исследования рассмотрением средних цифр, которые должны были доказывать благополучие общины. По мнению народников, помещики и буржуазия не являлись классами, поскольку они никакой самостоятельной роли в России не играли и корней в народной жизни не имели. Они были, по мнению народников, небольшой кучкой безнравственных людей, искусственно созданной правительством.

На развитие русского пролетариата народники смотрели как на случайное и печальное явление, как на результат враждебной народным «устоям» политики русского правительства, насильственно создавшего в России капиталистический строй, при котором происходило разорение, обнищание народа и появилась «язва пролетариата». Поэтому народники считали появление пролетариата величайшим злом, разрушающим «исконные начала народной жизни» и отдаляющим установление социалистического строя. Газета «Народная воля» писала, что «у нас в России никогда не было никаких сословных сил, кроме единой и нераздельной народной массы; и дворянство, и духовенство, и недавно проглянувший из глины чахлый росток буржуазии — все это было исключительно создаваемо правительством по его усмотрению и по его же усмотрению продолжено существовать»¹. Такая установка соответствовала высказываниям Бакунина, который, как известно, писал: «В России нет ни аристократии, ни какого-либо другого привилегированного класса, который, как таковой, имел бы законное право на власть или смелость в каком бы то ни было отношении воспротивиться воле государства»². На отрицании классов были построены и все высказывания Воронцова. Воронцов считал, что «если в России нет господствующего капиталистического производства, то нет и классов»³.

Не понимая действительных причин возникновения классов, народники не считали классовую борьбу в антагонистическом обществе движущей силой. Они видели в классовой борьбе несчастье, отклонение от «истинного народного» пути. Так например, Михайловский именовал классовую борьбу «страшными средствами разрушения», которые пускают в ход «...люди, доведенные капиталистическим строем до отчаяния, до полного презрения к своей и чужой жизни»⁴. Народники исходили из

принципов субъективной социологии и считали, что историю делают «герои».

Еще до появления русских марксистов Маркс и Энгельс подвергли беспощадной критике народнические взгляды по этому вопросу. Маркс в письме Энгельсу от 5 марта 1869 года, критикуя утверждение русских бакунистов о том, что они «хотят прежде всего политического, экономического и общественного упорядочения классов», говорил: «Если буквально толковать выражение «уравнение классов», то это есть не что иное, как другими словами выраженная мысль о «гармонии между трудом и капиталом», которую проповедуют буржуазные социалисты. Не «уравнение классов», что логически невозможно, но исторически необходимое «уничтожение классов» составляет конечную цель международного общества рабочих»¹. Энгельс в 1875 году раскритиковал утопические взгляды Ткачева, который отрицал существование классов в России и считал, что в России легко сделать социалистическую революцию. Энгельс писал: «... человек, способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где хотя и нет пролетариата, но зато и нет буржуазии, обнаруживает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма»². Эта критика Маркса и Энгельса, направленная против народников, имела огромное значение для марксистского понимания роли классов и классовой борьбы.

Члены группы «Освобождение труда» дали в основном правильное понимание причин возникновения классов и роли классовой борьбы в истории общества. Причину возникновения классов они видели не в политике правительства и не в насилии кучки «мироедов» над народом, как полагали народники, а в появлении имущественного неравенства между людьми, которое раскалывало общество на классы. История общества, писал Плеханов, «показывает нам, что всегда и везде, где процесс экономического развития вызывал расчленение общества на классы, противоречия интересов этих классов неизбежно приводили их к борьбе за политическое господство»³.

Всестороннее и четкое определение классов и причин их возникновения было дано Марксом, Энгельсом и Лениным. Основной причиной образования классов они считали возникновение частной собственности на средства производства, а решающей предпосылкой появления этой частной собственности было создание в процессе развития производительных сил прибавочного продукта. «Пока производительность труда не достигла определенного уровня, — писал Маркс, — в распоряжении рабочего нет того избыточного времени, без которого невозможен приба-

¹ «Народная воля» № 11—12 за 1885 г., стр. 7.

² Материалы для биографии Бакунина, т. II, стр. 232.

³ Воронцов. «Судьбы капитализма в России», стр. 6.

⁴ Михайловский. Соч., т. VII, стр. 780.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 219, изд. 1947 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 253.

³ Плеханов. Соч., т. III, стр. 51.

вочный труд, невозможны, следовательно, и капиталисты, но невозможны в то же время и рабовладельцы, феодальные бароны, одним словом, какой бы то ни было класс крупных собственников»¹.

Ленин в работе «Великий почин» дал классическое определение классов. «Классами называют большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законе) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства»².

Народники наиболее полно проявили свою враждебность к марксизму в вопросе о революционной роли русского пролетариата. Полагая, что буржуазный способ производства в нашей стране невозможен, народники отрицали рост и развитие русского пролетариата, не признавали его ведущей революционной роли. Так, Ткачев писал: «Мы не имеем городского пролетариата, у нас нет... ничего, что давало бы нам право надеяться объединить когда-либо запуганные, искалеченные, невежественные массы трудящегося народа... при наличии подобных условий, мечтать о пересадке интернациональной рабочей ассоциации на русскую почву было бы более чем ребячеством»³.

Михайловский даже в 1894 году отрицал существование пролетариата в России. Он писал: «Маркс оперировал над готовым пролетариатом и готовым капитализмом, а нам надо еще создать их»⁴.

Народники рассматривали появление рабочего класса как печальное явление, относили его к разряду разновидностей крестьянства, поскольку, по их мнению, рабочий — это временно попавший в беду крестьянин. Поэтому народники стремились к тому, чтобы рабочий вернулся в деревню и стал самостоятельным производителем.

Если рост пролетариата и усилия его в революционном движении на Западе народники считали прогрессивным явлением, то в пореформенной России они считали это явление консервативным. «Рабочий вопрос в Европе, — писал Михайловский, — есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника, экспроприации теперешних собственников. Рабочий вопрос в России есть вопрос консерва-

тивный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия теперешним собственникам их собственности. У нас под самым Петербургом существуют деревни, жители которых живут на **своей** земле, жгут **свой** лес, едят **свой** хлеб, одеваются в армяки и тулупы **своей** работы и русский рабочий вопрос решен. А ради этой цели можно все отдать, если понимать значение прочной гарантии»¹. Далее Михайловский продолжал, что «коренные начала русской экономической жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал»².

Приведенные высказывания теоретиков народничества ясно показывают, что они не признавали существования рабочего класса в России и отрицали его революционную роль.

Уже первые русские марксисты показали, что народническая теория тормозит развитие революционного движения рабочего класса, поскольку они отрицали рост и развитие пролетариата в России и игнорировали роль пролетариата в борьбе с самодержавием и буржуазией. Плеханов писал, что народники «...смотрели на русский рабочий класс как на печальный плод несчастного хода нашего общественного развития и уже, конечно, не могли отводить ему главного места в своей философии русской истории»³. Теоретики народничества, указывая Плеханову, полагали, «что появление в России рабочего класса представляет собой истинное злодейство со стороны старухи-истории и не только не облегчает, но прямо затрудняет достижения «целей партии»⁴.

Анализируя конкретную историческую действительность, члены группы «Освобождение труда» доказали, что крестьянская община разделяет и неминуемо разделит судьбу всех исторически обреченных институтов отсталости, так как положение 19 февраля 1861 г. выбило общину из устойчивого равновесия натурального хозяйства и передало ее во власть всех законов товарного производства и капиталистического накопления⁵, а само крестьянство дифференцировалось и на этой основе образовались антагонистические группы: кулаки и сельский пролетариат — батраки, значительная часть которых уходила на фабрики, пополняя ряды рабочего класса. Разорившиеся крестьяне и кустари в результате развития товарно-денежных отношений являлись главными источниками, откуда черпалась рабочая сила для развивавшегося в пореформенной России капитализма.

Народнические доктрины мешали рабочему классу осознать свои классовые интересы, осознать свою передовую роль в

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 425, изд. 1936 г.

² В. И. Ленин. «Великий почин». Соч., т. 29, стр. 388, изд. 4-е.

³ Ткачев. Соч., т. III, стр. 90.

⁴ Михайловский. Соч., т. VII, стр. 756.

¹ Михайловский. Соч., т. I, стр. 703.

² Там же, стр. 736.

³ Плеханов. Соч., т. III, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 100.

⁵ Там же, т. II, стр. 130.

революционном движении, поскольку они говорили рабочему классу: «Ты — испорченное цивилизацией дитя русского народа и лучше было бы, если бы тебя совсем не существовало. Само собой понятно, что столь печальный вывод никак не мог содействовать политическому развитию русского рабочего класса»¹.

Члены группы «Освобождение труда» показали не только численный рост пролетариата России, но и его решающую роль в революционном движении. Плеханов писал, что «решающая прогрессивная роль в дальнейшем развитии России будет принадлежать не тем слоям ее населения, которые живут при старых, постепенно исчезающих условиях, а тем, которые возникают, растут и усиливаются вследствие современного нам экономического развития. Естественным, ближайшим союзником революционеров оказывался поэтому не ветхозаветный крестьянин, а современный пролетариат»².

Плеханов считал, что с появлением рабочего класса началась новая эпоха, поскольку «с промышленным пролетариатом в первый раз в нашей истории появляется революционная сила, способная ниспровергнуть царизм»³.

Аксельрод в 1884 году в брошюре «Рабочее движение и социальная демократия», определяя роль рабочего класса и задачи революционеров в борьбе за политические свободы, писал: «Припомним, наконец, тот факт, что в лице «Северного русского рабочего союза» рабочий класс первый выступил у нас, даже наперекор так называемой революционной интеллигенции, с требованием политической свободы. Совершенно самостоятельно дошел он до сознания невозможности каких-нибудь улучшений в быту низших классов без приобретения ими для себя политических прав... Но для того, чтобы он (русский рабочий класс. — П. Н.) своевременно мог приобрести такое значение в русской жизни, революционерам необходимо с гораздо большей серьезностью и упорством приняться за дело пропаганды социализма в его среде и объединения его в тайные союзы с ясно продуманными целями и средствами борьбы»⁴.

Эти выводы членов группы «Освобождение труда» с точки зрения научного социализма были совершенно правильными, поскольку не общественно-экономический застой, не патриархальные и мелкобуржуазные условия жизни, а закономерное развитие капитализма, рост политической сознательности рабочих расшатывали фундамент самодержавия и подготавливали победу революции.

Первые русские марксисты опровергали утверждение народников, что малочисленность рабочего пролетариата якобы не

дает права опереться на рабочий класс как решающую силу в общественном развитии. Плеханов в связи с этим писал, что «...дело не в числе рабочих, существующих в данное время, а в общем направлении нашего экономического развития»¹. А общественно-экономическое развитие в пореформенной России создавало такое положение, что русский пролетариат рос и политически воспитывался быстрее, чем в свое время западно-европейский рабочий класс. Плеханов в 1892 году писал: «В России пролетариат растет, мужает и крепнет буквально не по дням, а по часам, как сказочный богатырь. В каких-нибудь десять-двенадцать лет он изменился до неузнаваемости. Русский пролетариат представляет собой «...здорового, полного сил юношу, со сложившимися уже убеждениями и с непоколебимой верой в будущее»².

Рабочий класс, как указывали первые марксисты, по своим революционным качествам резко отличается от всех трудящихся. Пролетариат, работая на крупном капиталистическом предприятии, несмотря на исключительно тяжелые условия труда, воспитывался и закалялся как передовая революционная сила. Жизнь и условия труда капиталистических предприятий «развиивают политический смысл трудящихся масс и на место забытых обывателей-рабов, покорно подставляющих свою спину под царские, хозяйские и полицейские удары, ставят граждан, создающих свое достоинство человека и умеющих сознательно бороться за свое освобождение»³.

Русский рабочий класс вел борьбу против капиталистической эксплуатации и порабощения на фабриках и заводах. Именно в этой борьбе рабочий класс проходил школу политического воспитания. Выражая непоколебимую веру в силу русского рабочего класса, первые марксисты России считали, что пролетариат есть именно та сила, которая одна только может двинуть Россию вперед. Плеханов на первом международном конгрессе второго Интернационала в 1889 году говорил, что «революционное движение в России восторжествует только как рабочее движение».

Группа «Освобождение труда» нанесла серьезный удар народничеству по вопросу о роли рабочего класса и классовой борьбы в России. Она разоблачала отсталые и вредные взгляды народников на русский пролетариат, впервые в России доказала, что рабочий класс России является передовой революционной силой в общественном развитии.

В. И. Ленин окончательно опроверг взгляды народников и в отличие от членов группы «Освобождение труда» установил, что пролетариат является не только передовой, но и **руководящей**

¹ Плеханов. Соч., т. IX, стр. 23.

² Там же, стр. 22.

³ Там же, стр. 23.

⁴ Аксельрод. «Рабочее движение и социальная демократия», стр. XII, XIII.

¹ Плеханов. Соч., т. IX, стр. 28.

² Там же, т. III, стр. 383.

³ Там же, т. IX, стр. 290.

силой в предстоящей буржуазно-демократической революции, поскольку русская буржуазия склонна не к борьбе с царским самодержавием, а к соглашению с ним для подавления рабочего движения. Такое поведение буржуазии, как указывал Ленин, вытекало из ее классового положения, так как развитие России в пореформенный период «уже бесповоротно определило не иной путь развития, как капиталистический, не иную группировку классов, как капиталистическую»¹.

Народники утверждали, что главной революционной силой, способной осуществить революцию и построить новое общество, является крестьянство. Как известно, Бакунин первым высказал убеждение, что русское крестьянство имеет налицо все элементы, которые являются необходимыми условиями для революции. По его мнению, у русского народа имеется прирожденный идеал, развитый и закаленный непрерывными бунтами против государства. Этот взгляд на крестьянство развивался дальше в журнале «Земля и Воля». Землеvolыцы заявляли, что если в западноевропейских странах история выдвигает на первый план фабричный вопрос, следовательно, там движущей силой революции будет пролетариат. В России же, если бы даже было возможно революционное движение пролетариата, оно неминуемо натолкнулось бы на крестьянское движение, «на вопрос о социализме аграрном», так как он в России обусловлен самой жизнью народа. Вот почему, говорили народники, «...мы выдвигаем на первый план вопрос аграрный, вопрос же фабричный мы оставляем в тени»².

По утверждению народников, крестьяне составляют подавляющее большинство трудящихся и являются истинными социалистами по образу жизни, поэтому они являются прирожденными революционерами. «Нам незачем, — говорили народники, — особенно заботиться о выработке идеалов будущего строя, потому что в исконных желаниях русского народа мы уже имеем очень солидный фундамент для постройки общественного порядка, неизмеримо высшего, чем ныне существующий»³. Решающие революционные события, по мнению народников, должны развернуться далеко от крупных городских центров, в сельской местности, на окраинах России, где главной силой восстаний выступит крестьянство, а городские рабочие в лучшем случае сыграют роль подсобной армии.

Либеральные народники, отказавшиеся от всякой борьбы с царским самодержавием и проповедовавшие мирный общинно-артельный план преобразования России, также считали крестьянскую массу основой будущего строя. Воронцов, противопоставляя Россию Западу, писал, что «...в России буржуазия

обречена на второстепенную роль, фабрично-заводской пролетариат не имеет шансов на более или менее значительное развитие, и потому главнейшей возможной социальной основой нашего будущего, как это было и в прошлом, является крестьянство»¹.

Еще до появления русских марксистов основоположники научного социализма Маркс и Энгельс, ведя борьбу против всевозможных мелкобуржуазных учений, подвергли глубокой критике взгляды народников на общинное крестьянство как решающую силу в борьбе за уничтожение эксплуататорского строя и создание бесклассового общества. Сохранение общинно-артельных форм хозяйства среди русского крестьянства, говорил Энгельс, доказывает не самобытные социалистические идеалы его, а то, что сельскохозяйственное производство и соответствующие ему сельские общественные отношения находятся в России еще в очень неразвитом состоянии. А это приводит к такому положению, что «русский крестьянин живет и действует только в своей общине, весь остальной мир существует для него лишь постольку, поскольку он вмешивается в дело его общины... Весь мир означает на языке крестьянина собрание членов общины. Следовательно, если г. Ткачев говорит о «миросозерцании» русского крестьянства, то он явно неправильно употребляет русское слово «мир»².

Маркс и Энгельс полностью опровергли взгляды народников, что крестьянская община в любых обстоятельствах явится единственной основой социалистического строя. Маркс и Энгельс показали, что хотя данная форма землевладения еще широко распространена среди русского крестьянства, но она уже сильно подорвана быстро развивающимися капиталистическими отношениями.

Члены группы «Освобождение труда» продолжали начатую Марксом и Энгельсом критику народников, подвергли обстоятельному разоблачению их взгляды на русское крестьянство как решающую силу в разрушении эксплуататорского общества и построении социализма. Плеханов считал, что отсталые взгляды на общественную жизнь, свойственные идеологам народничества — Бакунину, Ткачеву, Тихомирову, Лаврову, Воронцову и др. — обусловлены тем, что они ставили «на место исторического развития свою собственную волю»³.

Вскрывая научную несостоятельность и политическую вредность народнических взглядов на крестьянство России, члены группы «Освобождение труда» в то же время не смогли правильно оценить роль крестьянства в предстоящей революции. В частности, глава группы «Освобождение труда» Плеха-

¹ В. И. Ленин. Письмо И. И. Степанову-Скворцову. Соч., т. XVI, стр. 101, изд. 4-е.

² Журнал «Земля и Воля», № 1, от 25.XI.1878 г.

³ Там же, № 5, от 8.II.1879 г.

¹ Воронцов. Наши направления, стр. V.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XV, стр. 260.

³ Плеханов. Соч., т. II, стр. 279.

нов уже в этот период недооценивал революционную роль крестьянства и переоценивал либеральную буржуазию, считая ее союзником рабочего класса в борьбе с самодержавием. Плеханов впал в другую крайность по сравнению с народниками — в недооценку революционных возможностей крестьянства — потому, что отрицал существование развернутой классовой борьбы в России до вступления в нее пролетариата. Он не видел, что борьба с помещиками и с пережитками крепостничества идет параллельно с борьбой внутри капиталистической системы, не понимал, что в этой борьбе революционной силой явится именно крестьянство как естественный союзник рабочего класса в предстоящей революции. Плеханов ошибочно считал, что революционное движение в России не встречало и не может встретить «ни поддержки, ни сочувствия, ни понимания» в крестьянстве. Поэтому главная опора самодержавия, по его мнению, заключалась «в политическом безразличии и умственной отсталости крестьян»¹.

Рассматривая крестьянство как антиреволюционную силу, опору абсолютизма, Плеханов безоговорочно противопоставлял его русскому пролетариату — мопильщику самодержавия. Он думал, что союзником рабочего класса в этой борьбе явится русская либеральная буржуазия, так как она — детище развивающегося капиталистического способа производства.

Ошибочный взгляд на крестьянство наиболее четко Плеханов сформулировал в 1892 году в брошюре «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России», где писал: «Буржуазия не единственная у нас общественная сила, угрожающая самодержавию. Там, где есть буржуазия, есть и пролетариат. Пролетарий и «мужичок» — это настоящие политические антиподы. Историческая роль пролетариата настолько же революционна, насколько консервативна роль «мужичка»².

Недооценивая роль русского крестьянства в предстоящей борьбе с царизмом и переоценивая революционность либеральной буржуазии, Плеханов приходил к неверной тактической установке: к отрицанию союза пролетариата с крестьянством, — признавая возможным совместную борьбу рабочего класса с либеральной буржуазией против самодержавия. «Кроме буржуазии и пролетариата, мы не имеем других общественных сил, на которые могли бы у нас опираться оппозиционные или революционные силы комбинации»³.

Исходя из такой установки, Плеханов не мог ставить вопроса о союзе рабочего класса с крестьянством, о руководящей роли пролетариата в этом союзе.

Только В. И. Ленин исчерпывающе обосновал вопрос о рус-

¹ Плеханов. Соч., т. II, стр. 402.

² Там же, стр. 279.

³ Там же, т. III, стр. 120.

ском крестьянстве как союзнике рабочего класса. Одновременно он доказал, что либеральная буржуазия, боясь революционного движения рабочих и крестьян, шла на союз не с пролетариатом, а с самодержавием.

В. И. Ленин завершил идейный разгром народничества. В своих работах о развитии капитализма в России он уделит главное внимание вопросу о рынках. Этот вопрос был центральным во всей экономической концепции народников.

Ленин показал, что товарное хозяйство неизбежно ведет к отделению одной отрасли общественного хозяйства от другой: промышленность обрабатывающая отделяется от промышленности добывающей, и каждая из них подразделяется на различные отрасли. Ленин показал, что товарно-капиталистическая система хозяйства является прямой противоположностью натурального хозяйства феодально-крепостнического общества. Анализируя рост торгового земледелия, В. И. Ленин ярко продемонстрировал расширение рынка для капитализма. Чем быстрее развиваются товарно-денежные отношения и чем быстрее втягивается сельское хозяйство в эти отношения, тем быстрее растет и спрос сельского населения на продукты промышленности, удовлетворяющие личные потребности, тем быстрее растет и спрос на средства производства для земледелия.

В. И. Ленин показал рост разложения крестьянства и процесс образования внутреннего рынка. «Разложение крестьянства, — писал Ленин, — создает внутренний рынок для капитализма. В низшей группе это образование рынка происходит на счет предметов потребления (рынок личного потребления). Сельский пролетарий, по сравнению со средним крестьянством, меньше потребляет, — и притом потребляет продукты худшего качества (картофель вместо хлеба и пр.), — но больше покупает. Образование и развитие крестьянской буржуазии создает рынок двояким путем: во-первых и главным образом, — на счет средств производства (рынок производительного потребления), ибо зажиточное крестьянство стремится превратить в капитал те средства производства, которые оно «собирает» и от «оскудевших» помещиков и от разоряющихся крестьян. Во-вторых, рынок создается здесь и на счет личного потребления вследствие расширения потребностей у более состоятельных крестьян»¹.

В. И. Ленин обосновал важное теоретическое положение политической экономии о том, что общественное разделение труда является основным моментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма. Плеханов же делал уступку народникам, утверждая, что «в капиталистическом обществе

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Соч., т. III, стр. 148—149, изд. 4-е.

разделение труда, как известно всем экономистам, ограничивается размерами рынка». «Возможность применения крупного производства зависит прежде всего от размеров рынка».

Ленин писал: «Развитие капитализма идет вместе с развитием товарного хозяйства, и по мере того, как домашнее производство уступает место производству на продажу, а кустарь уступает место фабрике — идет образование рынка для капитала»¹, или в другом месте: «Внутренний рынок для капитализма создается самим развивающимся капитализмом, который углубляет общественное разделение труда и разлагает непосредственных производителей на капиталистов и рабочих»². Плеханов же до конца не уяснил, что капиталистическое производство создает для себя рынок.

Ленин критиковал утверждения народников, что разорение мелких производителей сокращает покупательную способность и тем самым сокращает внутренний рынок для капитализма. Он писал, что народники «забывают, что для рынка важно во-все не благосостояние производителя, а наличность у него денежных средств; упадок благосостояния патриархального крестьянства, ведшего ранее преимущественно натуральное хозяйство, вполне совместим с увеличением в его руках количества денежных средств, ибо, чем дальше разоряется такой крестьянин, тем более вынужден он прибегать к продаже своей рабочей силы, тем большую часть своих (хотя бы и более скудных) средств существования он должен приобрести на рынке»³.

В. И. Ленин дал глубокую критику народнической теории реализации и дальше развил учение Маркса по этому вопросу. Он дал блестящую иллюстрацию реализации товарных масс в капиталистической стране в обстановке воспроизводства общественного капитала как при простом, так и при расширенном производстве.

В. И. Ленин указал, что внешний рынок нужен для капиталистической страны вовсе не потому, что товарная масса и заключенная в ней прибавочная стоимость, произведенная общественным капиталистическим производством, не может быть реализована в капиталистической стране, а потому, что капиталистическому способу производства присуще стремление к безграничному расширению производства для получения прибыли. Ленин показал, что народники, принимавшие воли русской буржуазии о гибели промышленности из-за недостатка рынков за свидетельство бессилия русского капитализма, оказались в плену у наиболее империалистически настроенных кругов русской буржуазии.

¹ В. И. Ленин. «К характеристике экономического романтизма», т. II, стр. 121.

² В. И. Ленин. «Развитие капитализма в России», т. III, стр. 47.

³ Там же, стр. 20.

В. И. Ленин на огромном статистическом материале показал, что мануфактура непосредственно вырастает из более или менее крупных мастерских, где постепенно вводится разделение труда; таким образом простая капиталистическая кооперация перерастает в капиталистическую мануфактуру. На анализе капиталистической мануфактуры Ленин показал капиталистическую поляризацию: формирование на одном полюсе класса капиталистов, а на другом — класса наемных рабочих.

Переход к крупной фабрике знаменует переход к высшей стадии развития капитализма в промышленности.

Плеханов неправильно считал, что величина основного и оборотного капитала в кустарных промыслах определяет подчиненность кустарей капиталу. Этот ответ по существу ничем не отличался от трактовки этого вопроса народниками. Ленин писал по этому вопросу: «К квазиэкономическим обоснованиям народнических теорий принадлежат рассуждения о незначительности «основного» и «оборотного» капитала, необходимого для «самостоятельного кустаря». Ход этих чрезвычайно пространственных рассуждений таков. Кустарные промыслы приносят большую пользу крестьянину, и потому их желательно насаждать... А чтобы насаждать промыслы, надо знать, как велики размеры «капитала», необходимого для кустаря, чтобы вести дело. Вот один из многих расчетов такого рода. Для павловского кустаря — поучает нас Г. Пригорьев — основной «капитал» требуется в размере 3—5 рублей, 10—13—15 рублей и т. п., считая стоимость орудий труда, оборотный же «капитал» 6—8 рублей, считая недельный расход на продовольствие и сырые материалы. «Итак, — писал народник Пригорьев, — размеры основного и оборотного капитала в Павловском районе так незначительны, что обзавестись там инструментом и материалом, необходимым для самостоятельного производства, очень легко»¹. Плеханов допускал ошибку, утверждая, что проникновение капитализма в кустарные промыслы зависит от величины «основного капитала», тем самым он также частично разделял взгляды народников. С другой стороны, опираясь на это положение, Плеханов косвенно признавал «самостоятельность» производителей в тех промыслах, где требуется «ничтожный» основной капитал, абстрагируясь вместе с народниками от того факта, что эти кустари не применяют наемный труд потому, что сами в большинстве случаев низведены капиталом до положения наемных рабочих; причем положение этих наемных рабочих хуже, чем положение производителей, прямо подчиненных капиталисту. Плеханов ошибочно считал, что в основе проникновения капитализма в кустарные промыслы лежит превращение кустаря сразу в наемных рабочих.

Критикуя народников по вопросу о реформе 1861 года, как

¹ В. И. Ленин. Соч., т. III, стр. 318.

известно, Плеханов сам неправильно оценил эту реформу. Он рассматривал реформу как замену одной системы взимания налогов с крестьянства другой системой. Если раньше, до реформы, эти налоги государство получало от крестьян через помещиков, то после реформы государство само взимает налоги непосредственно с крестьян. На этом основании Плеханов подчеркивал, что произведена только замена крепостной зависимости крестьян. Раньше были они крепостными у помещиков, а после реформы стали крепостными у государства. Такое толкование у Плеханова вытекало из самого понимания им крепостного строя. Крепостной строй в его понимании всего-навсего был правовым учреждением, который установлен и поддерживался государством.

В. И. Ленин прежде всего рассматривал реформу как результат глубоких экономических противоречий, которые проявлялись в ожесточенной классовой борьбе крестьян против помещиков, как результат всего хода экономического развития России, который толкал к уничтожению крепостного строя, и как результат ударов извне.

Реформу 1861 г. Ленин рассматривал как стремление «путем уступок», приемлемых для угнетателей, без уничтожения их власти, предотвратить крестьянскую революцию.

Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» не пошли дальше констатации факта развития капитализма в сельском хозяйстве, не понимали сложного переплета общественно-экономических отношений, которые сложились в обстановке наличия остатков крепостничества и быстро развивающегося капитализма, не понимали самой сущности классовых противоречий в пореформенной России.

Ленин же на анализе конкретной русской действительности, опираясь на учение Маркса, вскрыл пути развития капитализма и его особенности, показал перспективу буржуазно-демократической революции и расстановку классовых сил в ней.

Ленинский анализ развития пореформенного сельского хозяйства показал, что путь его развития только буржуазный, но формы этого развития могут быть двоякими. Остатки крепостничества могут отмирать либо путем реформ при медленном перерастании крепостнического помещичьего хозяйства в буржуазное, либо путем революции, путем революционного уничтожения помещичьих латифундий, конфискации их земель в пользу крестьянства.

Народники же не понимали расстановки классов в пореформенной России; они считали, что только помещичье хозяйство эволюционирует в капиталистическое, а крестьянство в целом относится к «народному производству».

Плеханов и другие члены группы «Освобождение труда» не отрицали наличия остатков крепостничества, но не придавали им того значения, какое придавал Ленин. С этим были связаны

ошибки группы «Освобождение труда» в оценке роли крестьянства в буржуазно-демократической революции. Члены группы «Освобождение труда» в оценке социальной природы народничества и его классовой сущности стояли на ошибочных позициях. Они брали народничество, как нечто застывшее и неизменное, хотя народники переживали глубокую эволюцию с 70-х по 90-е годы, превращались из революционного в либеральное.

Плеханов дал ошибочную оценку народничеству, в котором видел чисто реакционное течение русской интеллигенции славянофильского толка. Плеханов не видел крестьянских корней народничества, так как недооценивал революционность самого крестьянства, и потому народническое движение представлялось ему лишь интеллигентским протестом, а не отражением революционных настроений крестьян. Он ошибочно считал, что русское народничество является обычной разновидностью утопического социализма. Эти взгляды по оценке народничества разделяли остальные члены группы «Освобождение труда».

Плеханов не противопоставлял в своих работах революционных народников 70-х годов либеральному народничеству, поскольку и народничество 90-х годов изображал как интеллигентское течение общественной мысли в России и своеобразный вариант утопического социализма, как реакционное движение по своему объективному значению.

Ленин же писал по этому вопросу: «Русский, крестьянский социализм 70-х гг., «фыркавший» на свободу ради ее буржуазности, боровшийся с «яснолобыми либералами», усиленно замывавшими антагонистичность русской жизни, и мечтавший о крестьянской революции, — совершенно разложился и породил тот пошлый мещанский либерализм, который усматривает «бодрящие впечатления» в прогрессивных течениях крестьянского хозяйства, забывая, что они сопровождаются (и обуславливаются) массовой экспроприацией крестьянства»¹.

Несмотря на неправильное толкование социальной природы и классовой сущности народничества членами группы «Освобождение труда», их литературные работы основательно подорвали влияние народников среди революционной интеллигенции России. Эти работы имеют большое значение для истории русской экономической мысли, так как открывают в ней новую, марксистскую страницу.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. I, стр. 164.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Т. И. Беленкина.</i> Земельные отношения в Коми крае в конце XVIII и в первой половине XIX вв.	3
<i>П. И. Носков.</i> Борьба группы «Освобождение труда» против экономических воззрений народников	23
<i>М. И. Бетехтина.</i> Борьба коми партийной организации за проведение коллективизации сельского хозяйства	56
<i>Т. С. Рязанцев.</i> Философские взгляды В. В. Флеровского	83
<i>В. В. Филимонов.</i> Принцип релятивизма — одна из гносеологических причин «физического» идеализма	122
<i>Н. В. Шуктомов.</i> Вопросы реализма и народности в эстетике В. Г. Белинского : : !	145

Д. 1961 г.
 Акт РП- 1134